

В 1880 г. в «Памятниках Древней Письменности» (вып. III, стр. 43—66) повесть о Савве Грудцыне была вновь напечатана по списку первой половины XVIII в., сообщенному С. Писаревым. Текст этого списка не совпадает с текстами списков, изданных ранее. Из замечаний, сопровождающих издаваемый Писаревым список, стоит остановиться только на одном, в котором Писарев старается выяснить генезис данной повести. По его мнению, эта повесть в основе своей не что иное, как «народный рассказ». «Судя по указанию в нем (т. е. в этом «народном рассказе» — в повести о Савве Грудцыне М. С.), — говорит С. Писарев, — на время совершения действия, лица и обстановку события, можно сказать, что он имеет историческую основу. Во время царствования Михаила Феодоровича был какой-то Савва Грудцын, действия которого казались слишком загадочными для современников. Суеверный народ объяснил их по-своему и составил рассказ о нем; но этот рассказ был в свое время изукрашен книжником из духовенства, применен к религиозно-назидательной цели и назван «повестью». В таком виде он и дошел до нас. Тем не менее, повесть эта не мало отражает собою быт Руси в 17-м веке и некоторые взгляды народа на происшедшие события; а по творчеству, в котором долю участия принял и книжник, весьма интересна».¹

Л. Н. Майков обратил свое внимание на повесть о Савве Грудцыне, как на произведение, затрагивающее вопрос, решение которого занимало не мало умов Московской Руси второй половины XVII в. Вопросом этим является «вопрос об отношениях между двумя поколениями», об отношениях между отцами и детьми. Рассматривая, с одной стороны, «Комедию притчи о Блудном сыне» С. Полоцкого, а с другой — повесть о Савве Грудцыне и повесть о Горе-Злочастии, Л. Майков отмечает те особенности в решении вопроса об отношениях между старым и юным поколениями, которые встречаются в этих произведениях. «Не говоря уже о том, — замечает Майков, — что в обеих повестях злему началу придан фантастический характер, герои их, представители молодого поколения, лишены каких-либо определенных стремлений: они почти случайно уклоняются от отеческих заветов и неодолимою силой обстоятельств увлекаются до совершенного падения. Напротив того, в драме Полоцкого, при большем реализме в обстановке содержания, сын заявляет желания более созна-

¹ Пам. древн. письм., 1880, вып. 111, стр. 46. См. также о повести «Савва Грудцын» — А. Н. Пыпин, «Для любителей книжной старины», М., 1888, стр. VIII. П. Владимиров. О цикле сказаний о прельщенном отроке. Отчеты о заседаниях Общества Любителей древней письменности в 1885—1886 гг. СПб. 1887, стр. 33.